

BRENDAN DENEEN

MORBIUS

THE LIVING VAMPIRE

BLOOD TIES

*Книга посвящается Рою Томасу и Джилу Кейну,
создателям Морбиуса,
а также Дону Макгрегору, Ричу Баклеру
и Пабло Маркосу, придумавшим Аманду Сейнт.*

*Скорее всего, вышеупомянутые создатели Аманды Сейнт
и представить себе не могли, что случайный
второстепенный персонаж, которого они придумали
в 1973 году, вернется 47 лет спустя, чтобы сыграть
важную роль на страницах моего романа.*

ПРОЛОГ

М

ДЖОННИ БЛЕСК нервничал.

Он все сделал, как приказали. Джонни всегда точно выполнял распоряжения, по крайней мере, когда надеялся сорвать неплохой куш.

А если выгоды не светили? Тогда и приказы неважны. С таким настроем далеко не уедешь, так что неприятностей на долю Джонни выпало предостаточно. Бывало, и в истории всякие вляпывался, хотя до сих пор как-то выкручивался. Или ему так казалось.

С самого детства он знал, что такое горе... сносил издевательства и тумачи от отца, который ни на одной работе не задерживался надолго, а потому искал утешения на дне бутылки. В пятнадцать лет Джонни сбежал из родного городка на Среднем Западе и ни разу не оглянулся. В кино и по телевизору он видел Нью-Йорк — толпы прохожих на улицах, город возможностей. Уж там-то Джонни себя покажет.

Или так ему казалось.

Однако заносчивость и на новом месте вышла ему боком. Джонни делал, что велено, в бургерной — жарил картошку фри, иногда, впрочем, не пряча нагловатых усмешек. Однажды начальник посоветовал мальчишке вести себя повежливее и схлопотал в челюсть хук справа. Не успел Джонни и глазом моргнуть, как его уволили и забрали в полицию — именно в таком порядке.

После драки и привода шансы найти нормальную работу законопослушного гражданина свелись к нулю. Впрочем, пораскинув мозгами, Джонни решил, что переживет, ничего страшного. Когда он пошел на первое дело — ему доверили выносить награбленное из магазинчика, — то сразу понял: вот оно, его настоящее призвание!

Время шло, Джонни научился сдерживать гнев, тлеющий в глубине его души. Рядом с новыми друзьями, бандитами и мелкими гангстерами, это удавалось даже лучше, чем раньше. Только одна черта у них была общей — в них жила злость.

Постепенно Джонни начал зарабатывать кое-какие деньжата. Нет, доллары не посыпались на него тугими пачками, однако на жизнь хватало. Он мог себе позволить и поужинать стейком в приличном ресторане, и купить хорошего вина хоть бы и раз в месяц, и пригласить красотку на свидание. От второй встречи, впрочем, почти все девушки отказывались.

«Ну и пусть, — говорил он себе. — Вовсе она мне и не нравилась».

Джонни делал все, что в его силах, стремясь выжить в этом безумном мире. Работал на «больших шишек» Нью-Йорка: Оусли, Линкольна, Руссо, даже на Фиска. Конечно, он оставался лишь мелкой сошкой, выполнял инструкции, но работал на совесть и сдерживался, не дерзил чванливым боссам, которые всегда смотрели на него и на таких, как он, свысока. В общем, без работы Джонни не сидел. До некоторых пор.

Все изменилось.

По городу летали и прыгали суперкретины, и хорошей работы почти не осталось. Вместо стейков пришлось довольствоваться дешевой жирной едой из забегаловок. На марочные вина Джонни теперь только завистливо поглядывал, как на недостижимое лакомство, покупая крошечные бутылочки вроде тех, что подают в самолетах. Свидания тоже закончились.

Он перестал заботиться о внешности: волосы отросли, живот заметно округлился. Джонни уже и не помнил, когда в последний раз мылся по-настоящему — горячую воду ему отключили больше месяца назад. Поэтому, когда по уличному телеграфу до него дошла весть о легкой наживе, Джонни наострил уши. Жизнь в последнее время его не баловала. Пожалуй, он заслужил небольшой «приз».

Полученные инструкции оказались до странности простыми, даже слишком...

Спуститься на станцию «72-я улица» на синей ветке метро, линии Второй авеню в три часа ночи. Дойти до конца платформы, у которой останавливаются поезда, идущие в северном направлении. Дождаться, пока все пассажиры уедут, и, когда никого рядом не останется, спуститься по железной лестнице в тоннель. Пройти по рельсам примерно четверть мили.

«По ночам поезда ходят редко, но ты все равно топай поживее, — посоветовал парень, который объяснял задание. — Мало ли что. Как увидишь в стене третью дверь справа — третью, не перепутай! — открывай. Там увидишь лестницу — по ней и спустись до конца. Потом жди. Тебя встретят».

Странное задание, никто и не спорит, однако за пять лет Джонни всякого повидал — его отец глазам бы не поверил, если бы порой видел сына. По городу летали боги — по крайней мере, так они с ребятами называли их между собой. Роботы проходили сквозь стены. Был даже парень, весь из оранжевых камней, и Джонни видел все это абсолютно трезвым.

Когда пришло время, он спустился в метро и прошел через турникет.

О подземке ходили разные слухи. Поговаривали о бездомных, которые жили прямо в тоннелях. Примерные работнички — офисные клерки, просиживавшие в офисах с девяти до пяти, иногда встречали этих бродяг по дороге домой, на работу или куда там еще ходят эти белые воротнички. Рассказывали, что бродят в метро и сумасшедшие, и готовые броситься на чужака с оружием.. И даже мутанты. Сам Джонни с обитателями тоннелей не сталкивался, но истории эти слышал.

Ну и прихватил он любимый тесак, и отправился в воскресенье к линии Второй авеню около трех часов ночи.. или около трех утра, кому как нравится называть это время. На пистолет Джонни не накопил, но решил, что и ножом обойдется. Раньше же обходился. Тесаком он орудовал уверенно, даже искусно. Особенно этим, к которому уже очень привык. Этот нож — и только его — Джонни прихватил из дома, когда давным-давно сбежал от отца.

И все же, дожидаясь поезда, который должен был вот-вот подкатить к платформе и забрать редких пассажиров, Джонни заметно нервничал.

Фляжку со спиртным он забыл на столе в неряшливой, замызганной квартирке, которую снимал в не лучшем из районов. Виски оставалось на донышке, но ему хватило бы и глотка для уверенности и успокоения. Не нравилась ему эта работенка. Он даже не знал, кто его нанял и что предстояло сделать. Ему просто нужны были деньги. Очень. Он давно не платил за квартиру... очень давно... и несколько дней как следует не обедал.

А так, может, все и наладится.

Треклятый поезд наконец-то со скрипом остановился у платформы, за грязным стеклом черной тенью мелькнул машинист. Пассажиры вошли. Казалось, миновала вечность, прежде чем звякнул знакомой трелью сигнал и двери закрылись.

Поезд стоял, будто прилипнув к рельсам.

— Ну давай, двигай, — произнес Джонни.

Будто послушавшись, вагоны дернулись — поезд пока- тил в тоннель, в густую тьму, и пропал, оставив лишь эхо среди стен.

Вскоре на станции воцарилась тишина.

Джонни огляделся. Прожив в Нью-Йорке целых пять лет, он ни разу не оставался в полном одиночестве на стан- ции метро. Под потолком мерцали тусклые лампочки, по рельсам то и дело с писком пробегали крысы, вышедшие на охоту за объедками.

Джонни глубоко вдохнул и перешагнул цепь перед ме- таллической лесенкой — можно подумать, она-то и закры- вала пассажирам путь на рельсы. Спустившись, он шагнул в тоннель. В темноте его встретил порыв теплого ветра, а от вони — мусора и мочи — Джонни едва не вывернуло наизнанку. Он тряхнул головой, приходя в себя, и двинул- ся вперед.

Спустя несколько минут он остановился и оглянулся. Ушел он недалеко, однако огни над платформой казались совсем тусклыми, будто он смотрел на них сквозь туман. Это глаза у него заслезились от смрада и страха, понял Джонни и выругался. Повернулся к станции спиной и ре- шительно зашагал дальше.

Он миновал одну разрисованную граффити железную дверь, а через минуту-другую-вторую. И опять оглянулся. Теперь станция почти совсем пропала из виду. Джонни подавил вдруг вспыхнувшее желание сбежать, рвануть со всех ног обратно, укрыться дома и заработать денег как-то иначе.

И тут он кое-что заметил.

Фары.

Фары поезда. Тот шел к станции, на платформе которой совсем недавно стоял Джонни с другими пассажирами. Прищурившись, он получше рассмотрел состав — это ока- зался один из «технических» поездов, которые гоняют по тоннелям без остановок. И он грозил догнать Джонни

с минуты на минуту. Теперь ему ни за что не успеть вернуться, даже если очень захотеть.

И Джонни помчался в тоннель, во тьму. Он понятия не имел, сколько осталось до третьей двери, но очень надеялся, что она недалеко. А за спиной уже гудел поезд, колеса стучали, мотор ревел куда громче, чем обычно. Вообще-то Джонни был далек от религии, но на этот раз завопил, во весь голос умоляя Господа о спасении и не забывая перебирать ногами по неровной бетонной дорожке, тянувшейся вдоль рельсов у самой стены.

Поезд приближался, истошно гудя сиреной, скрипели тормоза. Яркий свет залил тоннель, на стенах дрожали черные тени. Машинист наверняка заметил чокнутого, вздумавшего прогуляться по рельсам, и жал на тормоза изо всех сил. И все же остановить поезд вовремя было невозможно. В мгновение, когда Джонни опалило спину жарким порывом ветра, он заметил третью дверь и поднажал. Честное слово, он и не думал, что умеет бегать так быстро. Еще рывок — и Джонни бросился на дверь всем телом.

Если заперто — тут ему и конец.

Джонни Блеск закрыл глаза.

Плечо больно ударилось о металл.

Дверь распахнулась, и Джонни рухнул на пол так, что потерял кроссовок с правой ноги. Поезд пронесся мимо, все еще скрежеща тормозами, хоть в этом больше не было нужды; дверь с гулким стуком захлопнулась.

Джонни перевернулся на спину и полежал так несколько минут, тяжело дыша и не открывая глаз, — в груди будто бушевал огонь. Потом перекатился на живот и скорчился — его-таки вывернуло наизнанку прямо на металлический пол.

Он подождал еще несколько долгих минут, прислушиваясь, как замирает вдали стук колес и рев двигателя. Отдышавшись, Джонни слотнул, пытаясь не обращать внимания на отвратительный привкус во рту. Было очень тихо. Открыв глаза, он встал и огляделся. По крайней мере, попробовал хоть что-то разглядеть.

Вокруг было темно... совсем.

Джонни поморгал, и глаза постепенно привыкли к сумраку. Оказывается, он стоял на небольшой металлической платформе с ограждением — узкой металлической балкой на уровне пояса, единственной хлипкой преградой, за которой темнела пропасть. Качнись он чуть дальше вперед, когда ему было плохо, и...

Бросив взгляд в бездну, Джонни почувствовал, как сводит желудок. На сколько хватало взгляда, чернел лишь бездонный колодец. Не любил он высоту... никогда не любил. Случалось, конечно, работать на крышах, и тогда Джонни изо всех сил прятал страх, никогда не отпускавший, будто вечно живое чудовище из детских снов.

С платформы вниз убегала лесенка, теряясь в темноте. Джонни оглянулся на дверь, через которую впрыгнул из тоннеля. Еще можно уйти, бросить все и вернуться в грязную квартиру, пораскинуть мозгами, найти нормальную работу. Ему давно хотелось все бросить... Может, съездить домой и узнать, как там отец? В последнее время старик даже снился Джонни. Наверное, так и скучают по родным...

Джонни помотал головой, отгоняя нахлынувшие мысли. Нет уж. Работа как работа. Парень, который его сюда отправил, уверял, что заплатят хорошо, а делать почти ничего не придется. Джонни сплюнул горькую слюну в темный колодец и зашагал вниз по лестнице.

Казалось, ступенькам не будет конца.

Топая в одном кроссовке, он чувствовал себя идиотом. Босая нога промокла и замерзла. Джонни даже думать не хотел, во что вляпался по пути. Надо было, конечно, открыть ту металлическую дверь и поискать слетевший кроссовок, но он просто струсил. Не очень-то хотелось попасть под очередную поезд, ползая по рельсам в поисках дырявой обуви.

И Джонни шел: пятнадцать ступенек, маленькая площадка, поворот на сто восемьдесят градусов, и опять пятнадцать ступенек. Раз за разом. Жесткий поручень царапал

ладонь, то и дело покачиваясь в местах, где перекладины сильно проржавели. Иногда Джонни слышал перестук колес — где-то над ним, неподалеку, проносились поезда, но вскоре и этот шум почти пропал.

Наконец-то, спустя минут двадцать — или все сорок? — Джонни дошел до дна колодца. Он запыхался, хотя шел размеренно, не торопясь. Запустил же он себя за последний год, нет слов. И курил одну за одной, и на спиртное налегал. А вот спорт совсем забросил, только и бегал от полиции, если приходилось, да лупил кого-нибудь, чтоб проучить, по приказу босса.

Джонни согнулся, уперся ладонями в колени и принялся глубоко дышать, приходя в себя. Сердце наконец перестало стучать, будто кувалда, и забилось более-менее ровно.

Выпрямившись, Джонни стер со лба капли пота и улыбнулся. Джонни Блеск — его прозвище. При рождении его назвали Джонатаном Васберски. Однако в Нью-Йорке, когда его выгнали из бургерной и ему пришлось ступить на кривую дорожку, кто-то из поделщиков заметил, что Джонни никогда не потеет, на его лбу никогда не блестит испарина, сколько бы окон он ни разбил за вечер, сколько бы квартир ни обнес, удирая с охапками награбленного. Вот приятели и прозвали его Джонни Блеск.

Новое яркое и дерзкое имя сослужило Джонни хорошую службу, особенно приятно было называть его при знакомстве с воротилами преступного мира. И он гордился тем, что никогда не потеет. Вот такой он, всегда уверенный в себе сорвиголова... или таким он себе казался.

Однако теперь, стоя у первой ступеньки длинной и ржавой лестницы где-то в подземелье, ниже тоннелей метро, Джонни вспотел. Он тихо усмехнулся. Хорошо хоть никто его не видит и не станет потом отпускать плоские шуточки.

Внезапно раздавшийся лязг вывел его из задумчивости. Подпрыгнув от неожиданности, он заозирался, пытаясь понять, что и где гремит. Кое-какой свет сюда пробивался, но все-таки практически ничего не было видно. Потолок

терялся в чернильной тьме, а стены вроде были не из бетона — похоже, колодец выдолбили в камне.

Шум раздался снова, и Джонни сделал шаг в сторону, откуда, казалось, он доносился.

— Кто там?..

Он шагнул еще раз, другой, и понял, что перед ним снова металлическая дверь — еще одна. Поднял руку, чтобы постучать, но осекся.

— Бред какой-то... — пробормотал он.

— Ты, наверное, Джонни, — произнес кто-то нараспев у него за спиной.

Вскрикнув, сорвиголова стремительно обернулся, чувствуя, как кровь стынет в жилах, и потянулся в карман за ножом. Перед ним стоял высокий мужчина в длинном красном балахоне. Совершенно лысый, но с густой коротко подстриженной седоватой бородой.

— М-м-м... ну да, это я, — нервно сглотнув подступивший к горлу ком, ответил Джонни. Руку из кармана он предусмотрительно не вынул, сжимая рукоятку тесака.

— Я брат Таддеуш, — подойдя ближе, сказал мужчина. Голос у него был низкий и звучный. — Спасибо, что пришел.

Да откуда он вылез? Вокруг были лишь каменные стены, а дверь — одна, и та не открывалась. И как это он подобрался сзади?

— Да, конечно, всегда пожалуйста, — стараясь говорить уверенно, кивнул Джонни. — Мне сказали, у вас есть работа, вот я и выкроил время, заглянул по дороге.

На лице мужчины расцвела широкая и очень неприятная улыбка.

— Так оно и есть, — ответил он. Повисла неудобная тишина. Мужчина в красном балахоне все улыбался, а его глаза к тому же... замерцали?

— Ну так.. мда.. — невразумительно промямлил Джонни, подыскивая слова. — Что дальше-то? Что... где работа?